

**Uncommon adjective formation type,
which denote a pretty small degree of a quality: *pājuodis* / *pasaūsis***

Тамулионене Аурелия

Аспирантка Института литовского языка, Вильнюс, Литва

Adjectives, which denote a pretty small degree of a quality, are analyzed in this report by using geographical distribution, accentuation, formation, semantics attitude. They are accentuated with accent paradigmas 1 and 2, they are also made from fundamental adjectives by adding prefix *pa-* and by changing any fundamental word's ending to *-is*. Such derivatives are found 12 in *Lietuvių kalbos žodynas (Lithuanian language dictionary)* in electronic version. While analyzing these adjectives it was transpired that they are mostly fixed in sub dialect of East Upper Lithuanian's side such as *panevēžiškiai* and *kupiškėnai* also North Lower Lithuanian's side such as *kretingiškiei* and South Lower side such as *varniškiai*; this type of adjectives not nearly enough was found in antique papers. These derivatives are homologous; in *Lietuvių kalbos žodynas (Lithuanian language dictionary)* these types of adjectives are usually explained by giving the reference to another word, which has less synonymous and descriptive explanation cases. Majority adjectives under consideration correspond their main meaning of fundamental word.

While analyzing adjectives which belong to *pājuodis/pasaūsis* type, it was developed that derivatives to this type: 1) are found in different far-off Lithuania's regions; 2) accentuated differently: some of them using 1st, others 2nd accentuation; 3) in a number of cases it is joined dominant sustentive prefix *pa-* which gets stress and keeps reinforced and intensifies fundamental word's stem; in other cases dominant sustentive prefix *pa-* reinforces fundamental stem but it becomes unstressed itself.

However, these differences do not prohibit from being put all *pasaūsis/pājuodis* types derivatives to the same formation type, because their accentuation was probably determined by geographical distribution: in *Kupiškis* and in *Pasvalis* areas derivatives are common with stress in radical (such as *pasaūsis*) they are historically older than derivatives which have stressed prefix, they are affected by stress distraction in Samogitian dialect (such as *pājuodis*).

Неофициальные формы личных имен и фамилий в латышской коммуникации

Бутане Яна Яновна

Аспирантка Даугавпилсского университета, Даугавпилс, Латвия

Личное имя в соответствующей ситуации способно вызывать определенные реакции вследствие включения ассоциативного механизма. В этом проявляется сигнальная функция антропонимов. В ситуации упоминания личного имени возникает некая психологическая реакция – уважение, страх, улыбка и т.д. То же самое происходит и в ситуации обращения, когда используются имена или фамилии, прозвища [Skulte 1999: 23] или другие неофициальные формы антропонимов. Неофициальные антропонимы от официальных отличаются коммуникативными, деривативными, стилистическими и эмоционально-оценочными особенностями.

В латышской антропонимике не существует последовательного разделения на прозвища и модифицированные формы личных имен, поэтому неофициальные формы личных имен рассматриваются наряду с прозвищами. Их семантика очень похожа, хотя они называют различные явления. Прозвища мотивированы индивидуальными чертами, присущими его носителю, и выполняют характеризующую функцию, неофициальные же формы личных имен не содержат такой информации и выполняют только назывную функцию.

Литовский антропонимист А. Буткус замечает, что прозвищем может стать и вариант личного имени, если он используется для характеристики какой-либо особенности индивидуума. Если вариант личного имени не несет подобной дополнительной информации, то его не следует относить к прозвищам [Butkus 1995: 21]. В этом случае речь идет о гипокористике, или о гипокористическом имени –

сокращенной или как-то иначе преобразованной неофициальной форме личного имени [VPSV 2007: 144]. Подобную мысль высказывает Н. Подольская, подчеркивая, что индивидуальное имя или модификация фамилии обычно не рассматривается как прозвище [Подольская 1978: 50].

В данной статье исследуются модификации личных имен и фамилий студентов Даугавпилсского университета (всего 200 единиц). В их числе отмечены как узуальные, так и окказиональные формы.

Узуальные формы представляют собой традиционные, общеупотребительные и всем известные модификации личного имени, например, **Daigucis** < Daiga, **Edža** < Edgars, **Maša** < Marija.

Однако большую часть гипокористик в нашем материале составляют окказиональные дериваты. Наименьшую группу (50 единиц) из них образуют производные от фамилий, которые представляют собой их сокращенную или модифицированную форму: **Aļoška** < Aleksejevs, **Isaičs** < Isajevs, **Sobis** < Soboļevs, **Česters** < Šķesters. Иногда от фамилий производятся деминутивы: **Kokīte** < Kokina, **Berņiņa** < Berņa, **Žvingulēns** < Žvingule. Часто такие формы образуются путем фонетической модификации исходной фамилии: игра с начальными звуками, (**Šmucāne** < Vucāne, **Česters** < Šķesters), редуцирование (**Beņa** < Berņa, **Ciko** < Cikovskis, **Sobis** < Soboļevs). Кроме того, фамилии могут трансформироваться в личные имена: **Aļoška** < Aleksejevs, **Jegors** < Jegorovs, **Petjka** < Petrovs, **Petruha** < Petrovs.

Наибольшую группу (150 единиц) окказиональных дериватов составляют производные от личных имен, например, **Ainarito** < Ainārs; **Čuks** < Jančuks < Jānis; **Danila** < Dainis; **Dašiņa** < Daša < Darja; **Drejs** < Andrejs; **Džon** < Jānis; **Iriks** < Irina; **Katrucis** < Katrīna; **Kika** < Kristīne; **Kriss** < Kristīne; **Ludī** < Ludmila; **Ļiguška** < Līga; **Marusja** < Mairita; **Normis** < Normunds; **Pičuks** < Pēteris; **Rambo** < Raimonds; **Robis** < Roberts; **Ru** < Ruta; **Rusins** < Ruslans; **Rutela** < Ruta; **Sanri** < Sandra; **Sema** < Sergejs; **Siga** < Sigita; **Sinča** < Sintija; **Solandža** < Solvita; **Vero** < Veronika; **Zitons** < Zita и т.д.

При модификации личного имени или фамилии обычно происходят:

- 1) суффиксация;
- 2) редуцирование антропонима;
- 3) образование неофициальной формы по иноязычным моделям.

Наиболее многочисленную группу составляют суффиксальные дериваты, образованные от личного имени. Высокопродуктивными суффиксами являются -iņ-, -ik-, -uk-, -uc-. Дериваты с этими суффиксами функционируют как деминутивы и выражают позитивное эмоциональное отношение: **Sandriņa** < Sandra, **Arviks** < Arvis, **Evuks** < Evita, **Ļigucis** < Līga.

Часто женские неофициальные имена образуются как формы мужского рода с соответствующими окончаниями: -ucis, -iņš, -iks, -uks, -ons. В свою очередь, мужские неофициальные имена нередко используют формант -a: **Andža** < Andris, **Danila** < Dainis, **Edža** < Edgars, **Erņa** < Ernests.

Следует отметить, что в коммуникации употребляются не только типично латышские модификации имени, но также и иноязычные, чаще всего русские: **Daiguška** < Daiga, **Ļiguška** < Līga, **Marusja** < Mairita.

Иногда дериват при редуцировании приобретает неизменяемую форму: **Dī** < Diāna, **Mari** < Māriņe, **Romio** < Romualds.

Одним из продуктивных способов образования рассматриваемых форм является сокращение исходного имени, часто от него сохраняется лишь один или два слога: **Armis** < Armands, **Čuks** < Jančuks < Jānis, **Drejs** < Andrejs, **Marga** < Margarita, **Nata** < Natālija, **Ru** < Ruta, **Tīna** < Kristīna.

Одной из интересных модификаций выступают формы без окончаний: **Daik** < Daiga, **Den** < Deniss, **Olk** < Olga, **Ser** < Sergejs.

Модификации имени или фамилии могут иметь различную эмоциональную окраску (уменьшительно-ласкательную, презрительную и др.), хотя вне конкретного контекста или ситуации это можно установить только интуитивно.

«Употребление слов в определенных формах и конструкциях может выполнять особую функцию, играть дополнительную роль, прямо или косвенно выразить наше отношение к высказанной информации, к событиям и к связанным с ними лицам. Словоформы могут помочь вселить определенную уверенность, создать образ, видение, а также они просто усиленно привлекают к кому-то внимание, и, конечно, они могут быть нейтральными и выполнять свою основную функцию.» [Nītiņa 2007: 168] (перевод – Я. Бутане).

Литература

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

Butkus A. Lietuvių pravardės. Kaunas, 1995.

Nītiņa D. Valodniecības jautājumi. Rīga, 2007.

Skulte I. Personvārds kā īpašvārds un tā nozīme. // Linguistica Lettica, 4. Rīga, 1999. 23.–27. lpp.

[VPSV] – Valodniecības pamatterminu skaidrojošā vārdnīca. Rīga, 2007.

Lithuanian Sermons in the Second Half of the 18th Century: Between the Baroque and the Enlightenment

Gedminienė Jurgita

A postgraduate student of Vilnius University, Vilnius, Lithuania

In 1767 the printing-house of Vilnius Academy issued several collections of sermons written by Lithuanian preachers Kazimieras Klimavičius and Mykolas Olševskis. Very valuable manuscripts of sermons prepared by Kiprijonas Lukauskas were published only in 1996. Generally, it is worth mentioning that religious texts in the second half of the 18th century were some kind of *vademecums*, providing information on how to react and respond to different life circumstances and challenges. Church dogmas, essential truths of faith, various aspects of Christian life, and main responsibilities that every man has to fulfill were explained in those writings. Apart from that, the conception of sin and virtue was widely discussed there.

In Klimavičius' *Pavinastes krikščioniškas* (Christian Obligations, 1767) the notion of God as the Almighty Creator is emphasized: God is the only one in the entire universe who holds the power to destroy a man's priceless soul. However, the fear of God does not make a man shrink from Him as one would from a tyrant or a wild beast; on the contrary, it often draws him nearer to the Creator and fills him with reverential awe. Klimavičius declares that the fear of God is identical with love and service, and that it implies hatred of evil and wrong, and makes for righteousness and peace. An intimate relation between the fear of God and wisdom could be detected either. A wise man knows how to value, while a fool despises the fear of God. A claim is made that the beginning of wisdom and knowledge is the fear of the Father Almighty.

Olševskis in his *Broma atverta ing viečnastį* (The Gate to Eternity, 1767) depicts a man, who clearly realizes his own paltriness not only in front of God, but also in front of the infinity of the universe. A man has doubts about the world justice, and thus he strives to generate very personal relationship with God, and searches for the authentic meaning of "God's Word". This relationship is not unchanging or unambiguous – it alters according to the situation, in which a man struggles to initiate a dialogue with God. The dialogue becomes very urgent in the presence of political and economical cataclysms that were overwhelming the Grand Duchy of Lithuania in the last decades of the 18th century.

The leading themes of Klimavičius' and Olševskis' sermons are the despite of the outside world and the adoration of death. Tragic *memento mori* motif serves as a reminder of mortality, and is linked with related images and didactic stories. The inescapable reality and

the terrifying imminence of death make a man waken from an ontological sleep and begin seeking guarantees for his own safety. As a result, every man's death - as well as his life - changes from collective to individual. In the sermons of aforesaid preachers death is treated as a transformation from one form to another. In fact, death is something to look forward to, as it represents a graduation from the heavy, full of protracted sufferings world into the lighter, dreamlike state. As historian Philippe Ariès indicates, death wrests an individual out of rational society, distracts him from monotonous work, and gives him the highest rise of feelings [Ariès: 57]. Furthermore, a man aspires to "tame" his death by preparing for it. The understanding is that if and when people are forewarned of their inevitable deaths, one could await one's end and follow the "proper protocol" of living and dying well, in order to be sufficiently ready for God's judgment. This apprehension comes from the *Ars moriendi* (The Art of Dying, 1450), the first practical manual on how to prepare for a good death.

In Olševskis' sermons the contemplation of death equals the question of salvation. It is constantly being asked: what awaits after death – the sacred light of Purgatory or the eternal darkness of Hell? On the whole, the emphasis on the shifting perceptual world in Lithuanian sermons is very characteristic of baroque imagination. In those texts macabre, allegorical scenes are revived. The worldview of that time is expressed by rich hyperboles, chains of metaphors, metonymies, paradoxes, and rhetorical questions.

In Lukauskas' sermons, written in the very end of the 18th century, baroque consciousness comes to be more rational than in Olševskis' or Klimavičius' writings. Meticulous attention is given to a man's wisdom, diligence and will. Death also loses its dominance - thoughts on proper, righteous life become more important in Lukauskas' religious texts. It is plausible to assume that such notion was inspired by the Age of Enlightenment, tending to reform economy, policy, education, and the upbringing of society.

Basically, Lithuanian sermons written in the second half of the 18th century represent the main features of two cultural epochs – the Baroque and the Enlightenment. Those writings reveal complex transformations in the spread and consolidation of the religious tradition. In Klimavičius' and Olševskis' sermons a man despises the outside world, he adores death, and strongly believes in the salvation through suffering. In Lukauskas' sermons the theme of death is eliminated - the main attention is given to a man's activity, moral rules, and social values.

Literature

Ariès Ph. Mirties supratimas Vakarų kultūros istorijoje. Vilnius, 1993.

Klimavičius K. Pavinastes krikščioniškas. Vilnius, 1767.

Lukauskas K. Pamokslai. Vilnius, 1996.

Olševskis M. Broma atverta ing viečnastį. Vilnius, 1767.

Monophthong grapheme <a> spelling in Simonas Daukantas *Žodrodys*

Гуделене Бируте

Аспирантка Института литовского языка, Вильнюс, Литва

Monophthong grapheme <a> with diacritic spelling is discussed in this report in Simonas Daukantas's book *Žodrodys*. It is not properly investigated. Daukantas's textbook *Prasmą lotinū kalbos* (1837 m., further – *Prasma*) is used for analyzing graphic symbols – it is the first Latin language grammar in Lithuanian language with already prepared Daukantas's normal monophthong grapheme, digraph reading code. Daukantas tried to expand and validate mother-tongue language's [Samogitian dialect] usage in school using this textbook [Zinkevičius 1990: 150–151].

Latin graphic inventory (24 letters) is given either in miniscule or in capital letters in *Prasma* [Daukantas 1837: 3]:

<a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u, v, x, y, z>
<A, B, C, D, E, F, G, H, I, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, V, X, Y, Z>.

Since this grammar was printed earlier than Daukantas's *Žodrodys*, spelling elements that were represented there, may be used while writing already mentioned dictionary.

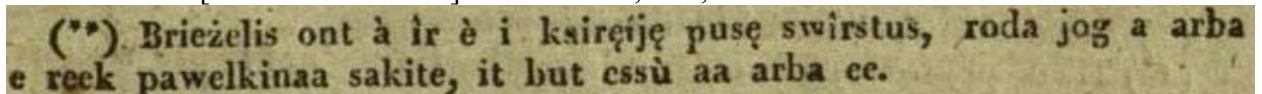
Only Samogitian and Latin graphic symbols are excluded in *Prasma*: the first are used with diacritics, ex.: <ą> (with <ę>, <î>, <ô>, <ó> or <û>, <û>, <ł>, <ż> and others, whereas in Latin alphabet is <Qq>) [Daukantas 1837: 4]. These graphic symbols are not included in alphabet. In that case they are approached only as additional.

Above-mentioned Samogitian graphemes are explained in footnote and equivalents in Latin language are given beside. Samogitian dialect's <ą> correspond in Latin language <an> (<ę> resounds <en>, <û> correspond in Latin <un>, <ó> or <û> – mediate „voice“ between [u] and [o] or Greek ω, grapheme <î> means mediate sound between [e] and [i], graphic symbol <ô> corresponds in Latin language [uoa]).

In Daukantas opinion, Samogitians and Lithuanians brought into earlier mentioned graphic symbols because they could not express themselves using Latin vowels <ą> (and other graphemes [Daukantas 1837: 4]).

Firstly Lithuanian grapheme is explained <ą>, Samogitian's and Upper Lithuanians spelling and pronunciation examples are produced, ex.: Samogitian's write and say *ronka* 'hand', *rakonda* 'punnet without rim', while Upper Lithuanian's – *raĳa* 'hand', *raĳada* 'punnet without rim' [Daukantas 1837: 4]. Daukantas raises to the first place Upper Lithuanian's pronunciation and it's difference from Latin language: Upper Lithuanian's „balsie *ą* paženklinta briezeliu butinaa iwairau nu Łotinû balsiês *a*“ [Daukantas 1837: 4]. Daukantas does not represent precise explanations, his proposition only states the difference between Latin and Lithuanian graphic symbols <ą>.

While talking about consonants here in the text, he is also using diacritics ex.: *Tàs kimiosès gaudès* 'those obtuse consonants' Daukantas proposes extra information about graphemes in *Prasma* [Daukantas 1837: 5] footnote <à>, <è>, look at 1-st ex.:

(*) Briezeliis ont à ir è i ksirėjė pusę swirstus, roda jog a arba e reek pawelkinaa sakite, it but essù aa arba ee.

(1)

These graphemes are given side-by-side, because after mild consonant sound [a] becomes [e], and this reflects in phonetic writing.

In *Prasma*, as committed for higher education level at work, is quite precisely stated the main grapheme reading rules. There are pronunciation and usage of graphemes <ą> and <à> explained which cases are found in *Žodrodys*.

Numerous graphemes <a> are with diacritic case – graphic <ą>. Petras Jonikas mentions this graphic as a comer from Polish language [Jonikas 1972: 179, 237] also he states that it has morphologic meaning and is used only with singular accusative.

In *Žodrodys* this graphic symbol was found 49x and almost every time traditionally marks Upper Lithuanian's singular accusative case (37x), therefore it has morphological feature. For example, *darbą atlikte* 'to do the job' 28, *swekatą globte* 'to protect health' 35, *istatimą paržengù* 'to overstep the law' 13, *apleido Adomą meigù* 'to neglect Adam's sleep' 37.

However, in *Žodrodys* also more different cases were found. That means that then graphic symbol <ą> gets various morphological meanings. One-by-one case also is found in nominative and in ablative, ex.: *kruvą* 'pile' 38, *po galuą* 'under the head' 38. Grapheme <ą> also is found in numeral case, ex.: *penkioliką deinù išžrùkęs* 'escaped for fifteen days' 10.

Grapheme <ą> also signifies Samogitian's genitive (8x), ex.: *ont stalą onsikwémpte* ~ 'respire on the table' 2, *glemžte po sauą sparną* 'to grab under your wing' 17. Since it is talked about monophthong graphic symbols, grapheme's <ą> meaning is not discussed in *Prasma*.

Grapheme with gravis <à> is found in three different examples: *àtkalauis* 'passive' 34, *kalàvijus* 'sword' 18, *nauinàs milys* 'loving news' 4. However, it is talked about differential

this grapheme's meaning in literature, where it is marked for purpose to separate it from another case. Though, it is obtained only for the last example and it can not be tendency of *Žodrodys*. Birutė Vanagienė predicts that this grapheme distinguishes plural accusative (*wijtàs ~ vietas* 'places') of feminine gender from nominative case (*wjtas ~ vietos* 'places') [Vanagienė 1976: 735].

There are not a lot of monophthong graphemes <a> with diacritics; they signify not only sounds but also morphological features. Graphemes <ȧ> and <à> usage features that are given in *Prasma* rarely suit for *Žodrodys*. Grapheme <ȧ> is multifunctional in it, signifies several cases. Grapheme <à> is especially common, desultory. It is observed that multifunctional writing was typical in the making XVI–XVII century Lithuanian paper writing [Jonikas 1987: 103].

Литература

Daukantas S. Prasmą lotinū kalbos. Sankt Peterburgas, 1837.

Jonikas P. Lietuvių bendrinės kalbos kūrimasis antroje XIX amžiaus pusėje. Čikaga, 1972.

Jonikas P. Lietuvių kalba ir tauta amžių būvyje. Chicago, 1987.

Vanagienė B. Redakcinės pastabos. *Daukantas S. Raštai* 1. Vilnius, 1976.

Zinkevičius Z. Lietuvių kalba XVII–XIX amžiuje. Vilnius, 1990.

Семантика глагольного префикса *už-* в литовском литературном языке и его диалектах

Кожанов Кирилл Александрович

Аспирант Института славяноведения РАН, Москва, Россия

Традиционно в литовском языке выделяются следующие глагольные приставки *ap(i)-, at(i)-, į-, iš-, nu-, pa-, par-, per-, pra-, pri-, su-, už-*. Большинство функциональных коррелятов литовских префиксов в славянских языках имеют с ними общее происхождение. Префикс *už-*, однако, являясь функциональным соответствием слав. *za-*, исторически родственен слав. *vъz-*. Кроме того, значения, которые эта приставка выражает в литературном языке, в диалектах распределяются нетривиальным образом: в восточно-аукштайтских говорах ему соответствуют варианты *až(u)-, už(u)-* и *iž-* (в некоторых случаях можно говорить о фактически разных приставках), а в части жемайтских говоров некоторое значение принимает на себя приставка *an(t)-*.

Несмотря на огромное количество научной литературы, посвященной проблематике глагольных префиксов, литовские приставки описаны на недостаточном уровне. Фактически единственная работа, которая бы специально обращалась к теме приставок в литовском языке, была напечатана в 1958 г. [Paulauskas 1958]. Настоящее исследование ставит своей целью описание литовской приставки *už-* с использованием достижений лингвистики в изучении префиксов за последние 50 лет. Теоретические основы и модель описания приставки взяты из монографии [Кронгауз 1998].

Материалом для исследования послужил список из 947 глаголов с префиксом *už-*, составленный на основе Словаря современного литовского языка (*Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*) и при необходимости дополненный примерами из Словаря литовского языка (*Lietuvių kalbos žodynas - LKŽ*) и Корпуса современного литовского языка (*Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas*). Анализ данной приставки в диалектах проводился с использованием опубликованных диалектных текстов и материалов Архива литовских диалектов Института литовского языка в Вильнюсе.

Приведу пример описания одного из значений приставки *už-*: Значение чрезмерного действия, приводящего к отрицательным результатам

Примеры: *užmaitinti* 'накормить (некачественной едой) (объект плохо себя чувствует)', *užgirdyti* 'напоить (некачественным напитком) (объект плохо себя чувствует)', *užduoti* 'дать что-либо ядовитое', *užvalgyti* 'съесть что-либо некачественное (в результате испортилось самочувствие)', *užarti* 'запахать', *užgaląsti* 'слишком заточить', *užkaustyti* 'заковать', *užpūsti* 'задуть' и др.

Модель управления: для каузативов X [им] Y[вин] (Z[инстр])/ для некаузативов X [им] Y[вин]

Толкование: ‘лицо X сделало такое действие (с помощью Z), которое привело к отрицательному результату для Y’

Комментарий: фактически это значение включает глаголы двух различных типов. Первый образуют глаголы питания, состоящие в свою очередь из каузативов и некаузативов. Приставка *už-* передает отрицательный результат для объекта (для некаузативов субъекта), возникшего после кормления/поения, напр., *Nepatyrusios motinos kartais užmaitina kūdikius sunkiai virškinamais valgiais* (LKŽ) ‘Молодые матери иногда кормят младенцев плохо перевариваемой едой (отчего они болеют)’. Другой тип – это глаголы, приведшие к отрицательному результату для объекта в связи с слишком интенсивным действием, названным глагольной основой, напр., *užarti arkli* ‘запахать коня’.

В отличие от русского языка, где отрицательный результат глаголов питания вызван также многократным действием, напр., *закормить ребенка* [Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 58], отрицательный результат питания/поения в литовском языке связан с плохим качеством еды/питья. Вопрос о происхождении этого значения остается открытым.

Примечательно, что как и в русском языке рефлексивные глаголы с приставкой *už-/za-* образуют широкий класс глаголов отрицательного результата вследствие чрезмерного действия (*užsisėdėti* ‘засидеться’, *užsiplepėti* ‘заболтаться’). Однако такая модификация невозможна для глаголов питания. Рефлексивы с этим значением чрезвычайно продуктивны в современном литовском языке (ср., напр., жарг. *užsitusinti* ‘слишком много тусить’).

Интересную информацию о структуре значений приставки *už-* дают материалы диалектов. Научная литература традиционно сообщает, что в восточно-аукштайтских говорах литовского языка сосуществуют два префикса *až(u)-* и *uš-*, первый из которых соответствует большинству значений литературной приставки, а второй – значениям, унаследованных от предлога *ant*. Соответственное значение выражает в жемайтских диалектах приставка *an(t)-* (напр., *ažvažiavo in susiedą* ‘заехал к соседу’, *užvažiavo in tilto* ‘заехал на мост’ и *antlipau an drotį* ‘залез на проволоку’ [Zinkevičius 1966: 416, 428]).

Тем не менее даже самый беглый взгляд на диалектные тексты позволяет говорить о том, что ситуация гораздо более сложная. Так, в говоре дер. Ромашканцы литературному префиксу *už-* соответствует исключительно вариант *až(u)-*. В диалекте Дятлово наравне с привычным *už-* непоследовательно, но очень часто употребляется приставка *iž-*, вариант *až-* встречается редко. Лучше всего указанная дистрибуция между значениями и префиксами, по всей видимости, сохранилась в вильнюсских восточно-аукштайтских говорах (*rytų aukštaičiai vilniškiai*). Тексты на старолитовском и данные говоров за пределами Литвы (где «законсервировалась» старая система) свидетельствуют об архаичности системы, некогда состоящей из двух предлогов и двух приставок.

Литература

Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Paulauskas J. Veiksmožodžių preišdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje // Literatūra ir kalba. 1958. Nr. 3. 301–453.

Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

Маркирование аргументов двухместных предикатов в латышском языке: попытка классификации

Перкова Наталья Викторовна

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

В базовой переходной латышской конструкции А-участник кодируется номинативом, а О-участник — аккузативом: *Jānis_{NOM} izmazgāja tasi_{ACC}* ‘Янис вымыл чашку’.

Однако в латышском языке существует большое число предикатов с так называемым неканоническим маркированием ядерных участников. Наибольшее внимание исследователей, как правило, привлекает широкое использование латышского датива, в то время как некоторые другие модели кодирования актантов также представляют собой довольно любопытные явления.

М. Хаспельмат в работе [Haspelmath 2001] выделяет три основных фактора, определяющих возможность отклонения от стандартной модели кодирования аргументов: референтность аргумента (ср. дифференцированное маркирование прямого дополнения во многих языках), свойства клаузы (так, отрицание или же аспектуальные характеристики клаузы часто требуют дополнения в генитиве / партитиве) и лексические свойства самого предиката. Предметом настоящей работы является последний фактор, то есть зависимость маркирования аргументов от семантики предикатов. Одна из возможных целей исследования — попытка выделения естественных классов предикатов в зависимости от стратегии кодирования аргументов.

Ход работы можно очертить следующим образом: в основе исследования лежит подготовленный исследователями ЛТИЯ ИЛИ РАН список семантически (не лексически) заданных предикатов и соответствующих стимулов-предложений с этими предикатами. Предложения составлены таким образом, чтобы вероятность влияния нелексических факторов (референтность именной группы, отрицание, аспектуальность) на кодирование актантов была сведена к минимуму, а свойства клаузы в целом обеспечивали возможность интерпретации ее как переходной. В таком случае отклонения от канонического маркирования актантов скорее всего будут зависеть именно от лексической семантики предиката.

Предварительные результаты исследования показали, что всего лишь 60 из 130 предикатов в списке являются переходными без наблюдаемой вариативности маркирования актантов. К ним относятся такие лексемы, как *ņemt* ‘брать’, *redzēt* ‘видеть’, *spēlēt* ‘играть (на гитаре)’, *ietekmēt* ‘влиять на’, *(pa)kustināt* ‘шевелить’, *apskaust* ‘завидовать’, *baudīt* ‘наслаждаться’ и др.

Среди глаголов с дативным субъектом можно выделить экспериентивные предикаты (*sāpēt* ‘наслаждаться’, *patikt*, *garšot* ‘нравиться’) и предикаты обладания, наличия и нехватки (*trūkt* ‘не хватать’, *pietikt* ‘хватать’, *būt vajadzīgam* ‘быть нужным’, *palikt* ‘оставаться’, а также глагол *būt* ‘быть’ в посессивной конструкции).

Особый интерес может вызвать группа с дативным маркированием объекта, в которую входят такие предикаты, как *pieskarties* / *piedurties* ‘дотронуться’, ‘прикоснуться’, *(ie)kost* ‘укусить’, *(ie)sist* ‘ударить’. В действительности такая модель управления вроде бы не может быть определена некоторыми предпочтениями, касающимися селективных свойств приставочных глаголов: так, глаголы с префиксом *pie-* довольно часто управляют дативной ИГ, но для глаголов с префиксом *ie-* более типичной является зависимая ИГ в локативе. Следовательно, в данном случае маркирование аргумента определяется скорее некоторым независимым компонентом лексического значения предиката. С другой стороны, в латышском языке датив может маркировать внешнего посессора, то есть возможны примеры вида *Suns iekoda puisim_{DAT} kājā_{LOC}* (MLVTK) ‘(букв.) Собака укусила мальчику в ногу’. Однако в случаях, когда О-участник не является личным, он может быть маркирован аккузативом: *Daniela paskatījās uz viņu un iekoda lūpu_{ACC} zobos_{LOC}* (MLVTK) ‘(букв.)

Даниела посмотрела на нее и прикусила губу в зубах'. Кроме того, близкий по значению глагол *sakost* 'покусать', являясь переходным, тем не менее допускает употребления вида *Viņa man_{DAT} sakoda pirkstus_{ACC}* '(букв.) Она мне покусала пальцы'. Таким образом, статус дативной группы при таких предикатах требует дополнительного уточнения.

В латышском языке возможна ситуация, когда оба аргумента стоят в падеже, нетипичном для соответствующего аргумента двухместного предиката: *Jānim_{DAT} trūkst naudas_{GEN}* 'Янису не хватает денег'.

Особого внимания заслуживают случаи, в которых предикат представляет собой не глагольную лексему, а некоторую перифрастическую конструкцию. Иногда такое обозначение ситуации является единственно возможным, напр. *Atmiņa ir atkarīga no vecuma* 'Память зависит от возраста'. В большинстве случаев частеречная характеристика не влияет на падеж аргумента: *Jānis ir slimš / slimo ar gripu* 'Янис болен / болеет гриппом'; *Mikus dusmojas / ir dusmīgs uz Mariju* 'Микус сердится / сердит на Марию'.

Часть предикатов в выборке является глаголами с рефлексивно-медиальным показателем *-s*. При этом надо заметить, что латышские рефлексивные глаголы могут быть переходными: *Anna labi atceras māju_{ACC}, kurā ir izaugusi* 'Анна хорошо помнит дом, в котором выросла'. В проанализированных примерах такие лексемы, как правило, являются симметричными предикатами (*draudzēties* 'дружить', *iepazīties* 'знакомиться', *sarunāties* 'разговаривать') и управляют ПГ с предлогом *ar* или же относятся к так называемым «предикатам чувства», имеющим разнообразные предложные модели управления.

В докладе наблюдаемые в латышском языке модели маркирования актантов двухместных предикатов будут рассмотрены как с точки зрения их соответствия выделяемым разными исследователями классификациям, так и с точки зрения собственно внутриязыковой вариативности.

Литература

Haspelmath, M. Non-canonical marking of core arguments in European languages: A typological approach. In: Aikhenvald, A., Dixon, R. & Onishi, M. (eds.). 2001. Non-canonical marking of subjects and objects. (Typological Studies in Language, 46.) Amsterdam: Benjamins. Pp. 53-83.

MLVTK – Mūsdienu latviešu valodas tekstu korpuss (<http://korpuss.lv/>).

Fonotactics and fonosemantics of motiveless quasilexical refrain

Тримоните-Бикелене Юрга

Молодой ученый, Вильнюсский педагогический университет, Вильнюс, Литва

Lexical system's periphery phenomenon always was and always is in researchers view. There are words which can have meaning, but it is often hidden – lot's formulas, glossolalia, children's lexis, refrains. Refrains picked from seventeen *Lietuvių liaudies dainynas (Lithuanian folk songbook)* volumes are analyzed in this research.

Refrains are popular and have a variety of forms in Lithuanian folk songs. Refrain usually compounds from interjections and onomatopoeias, they convey person mood's exclamation in primitive way and this is older thing than significant song's words. Some refrains are simple and popular, ex.: *lylia lylia* [LLD 1980: 57], *ramta drylia* [LLD 1983: 195], others are complicated, unheard even ambitious, weave archaic folk song's stanzas with strange, as foreign language imitating, bumbling, ex.: *oi dender vester mender viter viter vitirēlis* [LLD 1997: 315], *ok jopēn kērvēr jopēn kojom carom carom carom sarga kopēn kojom carom* [LLD 1988: 206].

While analyzing peculiarities of structure and semantics, all "Lithuanian folk songbook's" refrains can be brought to such four groups: onomatopoeic, quasiformational, combinational and quasilexical refrains. 8, 6 % of quasilexical refrains were found in

analyzed texts of *Lithuanian folk songbook* (onomatopoeic refrain group has 90, 4 %, quasiformational – 0, 8 %, combinational – 0, 3 %).

Quasilexical refrains are those which have word's features. All this type refrains can be brought to two subgroups: motivated quasilexical refrains and non-motivated quasilexical refrains.

Non-motivated quasilexical refrains are usually accidental sound's combination, which do not have meaning of rhyme, rhythm, melody or singing peculiarity. Very often happens when it is hard to identify or even impossible to identify the word from which this quasilexical refrain came from, ex.: *dender* [LLD, 1997: 315], *selvel* [LLD 1980: 175], *traki* [LLD 1988: 325], *šydar* [LLD 1997: 314], *vydar* [LLD 1997: 314], *rampa* [LLD 2002: 771], *vinčiūra* [LLD 1980: 180], *valdasa* [LLD 1980: 180] and further more. This refrain's fonotactics analysis and interpretation of fonosemantics helps to reveal peculiarities of structure and distinctive Lithuanian folk song element sound's connotation. In non-motivated quasilexical refrains also can be found casual sounds' combinations (sometimes made by using rules of Lithuanian language word formation and syllable structure), which do not have meaning, but after analysis of their fonotactics can be noticed some consistent patterns and can be revealed some sounds' connotations.

Uncovered syllables of non-motivated quasilexical refrains in syllables explosion were observed only 3,4 %, this type syllables usually begin with vowel or complicated diphthong, usually covered syllables dominate (96,6 %), in primary syllable group monomial explosion has 92,8 %, and examples of binary explosion have only few of them – 3,8 %.

Implosive these refrain's type part usually ends in vowel (54, 2 %), rarely it is monomial (36, 7 %). Syllables which end in complicated diphthong were observed only 8, 5 %; non-motivated quasilexical refrains which have binary explosion were observed very little – 0, 6 %. It is often stated that some of non-motivated quasilexical refrains are created only because of rhyme, song's rhythm, melody and singing peculiarities.

Литература

[LLD] – Lietuvių liaudies dainynas 1. Vaikų dainos. Vilnius, 1980.

[LLD] – Lietuvių liaudies dainynas 2(1). Vestuvinės dainos 1: Piršlybų dainos. Vilnius, 1983.

[LLD] – Lietuvių liaudies dainynas 4(2). Vestuvinės dainos 2: Sutartuvių – jaunojo išleistuvių dainos. Vilnius, 1988.

[LLD] – Lietuvių liaudies dainynas 12(2). Darbo dainos 2: Laukų ir namų darbų dainos. Vilnius, 1997.

[LLD] – Lietuvių liaudies dainynas 16. Humoristinės didaktinės dainos: Dainos apie girtuoklystę. Vilnius, 2002.